

Михаил Козаков: все начиналось с «Убийства...»

Известен, пожалуй, каждому. Романтический герой, демонический злодей, суперэлегантный негодяй, обаятельный во всех ампулах. Он открыл для нас «Безымянную звезду», рассказал о шумной жизни близ «Покровских ворот», поведал мрачную историю доктора Фауста. Он говорит языком поэзии, читая стихи Пушкина и Блока, Пастернака и Тютчева.

Козаков - мужчина решительный. Далеко не каждый может бросить все на родине, в России, и начать с нуля в Израиле. Тем не менее сегодня он прекрасно говорит на иврите и, преодолев тяготы ассимиляции, все также дарит свое искусство людям.

А начиналось-то с убийства... Да-да, с «Убийства на улице Данте» - в этом фильме Козаков сыграл свою первую роль в кино: «В 1955 году я учился на третьем курсе Школы-студии МХАТ, а на четвертом Галя Волчек, дочь кинооператора Б.И. Волчека (теперь Галина Борисовна - главный режиссер театра «Современник»). Как-то Галя подошла ко мне и сказала: «Мишка, знаешь, Ромм с отцом приступают к съемкам потрясающего сценария Габриловича. Там есть роль сына - потрясающая роль! Сценарий о Франциско, Ромм - ты представляешь?! Я представил. «В общем, я хочу тебя порекомендовать. У тебя есть приличные фотографии?» «Нет, - ответил я, - и вообще я плохо на них получаюсь». «Тогда вот что. У моей сокурсницы муж - хороший фотограф. Попроси его снять тебя несколько раз с вариантами». Через неделю я отдал Галя штук двадцать фотографий. Они вполне соответствовали моему представлению о фран-

цузской жизни и французах. Галя отобрала штук пять попристойней. Показала отцу, тот с трудом выбрал одну и в свою очередь показал Михаилу Ильичу. Так меня про-сватали.

Одновременно с этим я пробоваюсь на «Мосфильме» в картине «Мексиканец». Однажды иду я по киностудии, ко мне подходит женщина и говорит: «Я ассистент Ромма, хочу представить вас Михаилу Ильичу». Несмотря на то, что я был отчасти подготовлен, все-таки обомлел: «Как, прямо сейчас?»

От волнения аж взмок. Ромм вошел с улыбкой, в руках - неизменная сигарета в мундштуке, глаза за стеклами очков смеются и - низким голосом: «Ну, давайте знакомиться». Я представился. «А вы не сын покойного писателя Михаила Козакова, автора «Девяти точек?» - спрашивает Ромм. «Да», - отвечаю. Еще несколько каких-то фраз. «Ладно, вот тебе сценарий, садись читай, после поговорим».

Я перевел дыхание, стал читать. «Там три парня, - продолжает Ромм, - вот одного из них и сыграешь». «Я хочу одного из трех, - обнаглев, заявил я, - Шарля!»

Первый в моей жизни съемочный день. Нас приводят в павильон. Павильон «залеплен» светом, у меня текут слезы оттого, что свет буквально лупит в глаза. Ромм говорит: «Миша, перестаньте плакать раньше времени». Подбегают гримеры, ассистент оператора тычет в лицо экспонометром, хлопочут костюмеры, стряхивая пылинки с костюмов. Наконец перед носом щелкает деревянная хлопушка и помреж не менее деревянным голосом восклицает: «Шестая колонна» (рабочее название фильма), кадр такой-то, дубль первый!». И спокойный голос Ромма: «Мотор!».

Последняя мысль у меня: Шартов подходит, я после пощечины отлетаю вправо назад, потом текст, как бы не забыть... Я не успеваю ничего сообразить, как звонкая оплеуха выводит меня из шокового состояния, я вылетаю из кадра, затем обалдело возвращаюсь на отметку. Потом не без злорадства слышу звук двух оплеух по лицам моих коллег, а затем голос Ромма: «Стоп. Хорошо. Еще раз». После пятого дубля гример подходит к Ромму и говорит: «Михаил Ильич, снимать дальше не имеет смысла - артисты стали пухнуть...» Ромм смеется и поздравляет Гафту и меня с первым в нашей жизни съемочным днем...

На снимке: Михаил Козаков в роли Бессонова в фильме «Ходение по мукам».

Ведущая рубрики
Татьяна ОНГОТОВА.

Моск. правда. - 1994. - Форм. - с. 4.